

Отзыв
официального оппонента о диссертации
Полины Викторовны Бояркиной
«Онегинский тип героя: литературная эволюция»,
представленной на соискание ученой степени
кандидата филологических наук
по специальности 10.01.01 – Русская литература

Диссертация П. В. Бояркиной представляет собой основательное оригинальное исследование, посвященное актуальной теме, которая никогда во всей своей полноте не становилась предметом специального изучения, что и определяет ее новизну. Обращаясь к героям Лермонтова, Тургенева, Гончарова, Достоевского и ряда других авторов, литературоведы отмечали, конечно, их связь с созданным Пушкиным образом Онегина. Однако почти всякий раз речь шла о каком-то одном конкретном герое – то о Печорине, то о Рудине, то о Ставрогине... Вопрос о литературной *эволюции* онегинского типа практически не ставился. Кроме того, соответствия пушкинскому герою находили в произведениях крупных авторов, творчество второстепенных писателей к анализу этой темы не привлекалось. П. В. Бояркина поставила своей задачей проследить последовательную цепь трансформаций онегинского типа, обращаясь, с одной стороны, к классической литературе 1820—1880-х годов, с другой стороны – к менее значимым, иногда малоизвестным писателям и поэтам и даже эпигонам. Приведу весьма внушительный перечень авторов, произведения которых стали предметом анализа в диссертации: М. В. Авдеев, Е. А. Баратынский, А. А. Башилов, А. А. Бестужев-Марлинский, Ф. Вахрушев, И. Е. Великопольский, Е. А. Вердеревский, П. Г. Волков, А. И. Герцен, И. А. Гончаров, В. Горкуша, Ап. Григорьев, Ф. М. Достоевский, А. Н. Карамзин, Н. Карцов, Н. Колотенко, И. П. Косяровский, П. В. Кукольник, В. К. Кюхельбекер, М. Ю. Лермонтов, Н. Н. Муравьев, Н. А. Некрасов, Н. П. Огарев, А. И. Подолинский, А. И.

Полежаев, Н. К. Радостин, А. Северинов, О. И. Сенковский, И. С. Тургенев, Н. Н. Федоров, Н. М. Языков.

Такой подход к теме дал чрезвычайно интересные результаты: в тех случаях, когда преемственность образов в произведениях первого ряда была вовсе не очевидной, посредующие между ними звенья могли обнаружиться в сочинениях второго ряда. В других случаях то, что могло казаться находкой большого поэта, оказывалось подготовлено целой серией подражаний. Так, например, Баратынский в поэме «Бал» соединил в образе своего Арсения черты Ленского и Онегина: в прошлом героя – неискренность и пылкость Ленского, но разрушенная вера в подлинность любовных и дружеских связей превращает его в «охлажденного» героя онегинского типа. Исследование Бояркиной показывает, что такое соединение черт двух пушкинских героев было предварено множеством ранних подражаний пушкинскому роману – подражаний, которые стали появляться, как только начали выходить его отдельные главы. А биография героя, намеченная как движение от «пылкости» к «охлажденности», повторяя типовой элегический сюжет, будет еще не раз построена таким же образом: и в «Борском» Подолинского (1829), и в «Странном человеке» Лермонтова, и в «Писателе» Н. Н. Федорова (1840), и «Графе Томском» Н. Колотенко (1840) «герой онегинского типа представлен как разочаровавшийся в своих идеалах Ленский» (с. 74). Эта линия ведет к «Обыкновенной истории» Гончарова, где именно так обрисована история Александра Адуева.

В исследовательской литературе Печорин нередко предстает как литературный тип, непосредственно преемствующий Онегину. Из рецензируемой диссертации со всей очевидностью становится ясно, что создание Печорина завершило большой этап эволюции образа, что между романами Пушкина и Лермонтова были написаны произведения почти двух десятков авторов, на свой лад осваивавших тот же тип героя. Его эволюция прослежена в диссертационной работе и в рамках творчества самого Лермонтова.

Следующий этап трансформаций онегинского типа – 1840-1880-е годы. Авторы этих десятилетий, заимствуя узнаваемые черты онегинского образа, перемещают его в свою эпоху. При этом, как показывает П. В. Бояркина, герой, наделенный этими чертами, то вписывается в современность, как Рудин или Ставрогин, то становится представителем старшего, «родительского» поколения, как Павел Петрович Кирсанов, Степан Трофимович Верховенский или Версиков.

В главе диссертации, посвященной 1840—1880-м годам, как и в предшествующей ей главе, второстепенные произведения не обойдены вниманием. Примером может служить далеко не самое сильное произведение Н. М. Языкова – «Странный случай», написанное как стихотворный диалог двух героев в 1841 году, когда произошло сближение Языкова с Гоголем. Онегинские черты сообщены обоим персонажам Языкова, но кроме того, между ними распределены черты героев «Женитьбы», Кочкарева и Подколесина. «Двое героев “Встречи”, - пишет П. В. Бояркина, - служат наглядной демонстрацией того, как из пары “Кочкарев — Подколесин” получается пара “Штольц — Обломов”»; произведение Языкова фиксирует самый момент превращения» (с. 126—127). Казалось бы, в Обломове нет очевидных онегинских черт, хотя, как отмечает Бояркина, к одному типу героев их относили Н. А. Добролюбов, А. П. Милюков, Д. С. Мережковский, частично сближали их и некоторые современные исследователи. В диссертации указаны пути превращения одного образа в другой; один из таких путей и реализован Языковым, «довольно слабое произведение» которого оказывается «весьма показательным звеном в цепи трансформаций онегинского типа» (с. 126).

Мне представляется, что в исследовании, в котором выстроены в общий ряд анализы шедевров русской классики и произведений небольшого художественного достоинства, трудно было соблюсти баланс между тем и другим. П. В. Бояркина успешно справилась и с этой задачей – думаю, потому, что историческую эволюцию онегинского типа она мыслила как

общий процесс, в котором малые художественные достижения и даже неудачи встраиваются в общее литературное движение, незаметно подготавливая то, что затем воплощается в героях великих русских романов.

Следует, однако, сказать, что русской традицией диссертантка не ограничилась. Перед тем, как приступить к ней, она подробно описала европейский литературный генезис созданного Пушкиным героя и в этой части работы обратилась к произведениям Дж. Г. Байрона, Дж. Полидори, Б. Констана, Фр. Р. де Шатобриана, Ч. Р. Метьюрина, Ш. Нодье, Ж.-Ж. Руссо, С. Ричардсона, Л. Стерна и В. Скотта. Привлечение этих имен к анализу «Евгения Онегина» не является открытием, пушкинистике они давно известны, здесь можно было ограничиться реферативным изложением работ, посвященных пушкинскому роману. Однако П. В. Бояркиной удалось и в этой части работы сделать важные наблюдения. Так, она пишет, что в пушкинском Евгении соединились черты двух разных типов героя. Один из них представляет, так сказать, «демоническую» линию, восходящую к произведениям Метьюрина, Нодье, Полидори и к восточным поэмам Байрона. Другой тип представлен героями рефлексивными и, как правило, пассивными – это персонажи Констана и Шатобриана, это байроновский Чайльд-Гарольд. Соединение этих типов в одном герое, вероятно, составляло одно из тех противоречий, на который Пушкин указывал в тексте самого романа. Но такое противоречие обеспечивало не только неоднозначность, но и незавершенность образа, которая стала залогом его продуктивности для дальнейшей литературной традиции. В ходе исследования Бояркина не раз возвращается к этому типологическому различию, отмечая, как одни авторы избегают от неоднозначности образа (к этому склонен Тургенев), другие стремятся заново соединить демонический и пассивный типы (тогда возникает такой герой как Ставрогин), третьи распределяют черты, характерные для каждого из двух типов между разными героями (как Гончаров между Райским и Волоховым).

Внимательное отношение к литературным претекстам, на основе которых формировался образ пушкинского героя, определило еще одну важную особенность представленной в диссертации картины исторического развития. Европейские образы, созданные в начале XIX века, и русские герои, в которых принято видеть представителей национального типа, оказываются связаны единой линией преемственности, которая осознается и рефлексивируется наиболее крупными авторами, такими как Лермонтов и Достоевский.

Во Введении к работе П. В. Бояркина подчеркивает: «Художественный мир произведений будет рассмотрен лишь под определенным углом зрения, концентрирующем внимание на типе героя и позволяющем проследить обозначенную линию преемственности» (с. 4—5). От этой задачи она действительно не отвлекается, но в то же время понимает, что в ряде случаев анализ типа героя требует обращения не только к историческому контексту и литературным источникам, но и к поэтике произведения. Не делая последнее самоцелью, она в таких случаях точно и лаконично характеризует особенности стихотворных и прозаических текстов, сосредотачивая внимание прежде всего на особенностях их жанровой природы.

Подводя в Заключение итоги работы, диссертантка намечает и перспективы исследования онегинского типа за пределами классической эпохи, в XX веке.

Подводя итоги своего краткого отзыва об интересной работе П. В. Бояркиной, отмечу, что ее работа имеет не только историко-литературный, но и теоретический интерес, хотя важность такого рода составляющей автором нигде специально не оговаривается.

Амплуа официального оппонента подразумевает, что представленный им отзыв должен содержать и некоторые замечания. Вот самые существенные из них. 1. П. В. Бояркина характеризует образ Онегина как остающийся неизменным на протяжении первой главы. Между тем, Ю. М. Лотман в свое время убедительно показал, что он претерпевает в ней

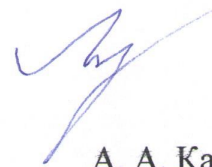
существенные изменения. 2. В качестве примет героев онегинского типа диссертантка приводит следующие свойства: разочарованности, пресыщенности, охлажденности, скука, скептицизм, а затем присовокупляет к ним и демонизм. Но разве ранее перечисленные черты не подпадают под понятие «Демонизм», как оно трактуется, по крайней мере, в стихотворении Пушкина «Демон»? 3. Соискательница посвящает особый раздел своей работы ранним отражениям «Евгения Онегина» (его первой главы) в русской литературе, но всю массу созданных под впечатлением от нее текстов подразделяет на две категории: подражания и пародии, в то время как во многих случаях (например, «Сашка» Полежаева) правильнее было бы говорить о *травестировании* источника? 4. В Списке литературы, завершающем диссертацию, ее автор совершенно оправданно приводит французский перевод романа «Мельмот Скиталец»: именно эта вольная версия сочинения Метьюрина, а позднее и ее русский перевод на протяжении долгого времени были основой знакомства большинства русских писателей и читателей с «Мельмотом». Но почему в таком случае единственная цитата из романа дана не по этому источнику, а по современному нам переводу оригинала? 5. В Списке литературы в ряде случаев указаны не конкретные произведения авторов, а лишь тома собраний их сочинений либо номера журналов. 6. Упомянутые в тексте диссертации книги Сухих и Блума, посвященные проблеме литературного канона в общую библиографию по какой-то причине не вошли.

Разумеется, высказанные частные замечания не могут повлиять на общую оценку представленного к защите труда. Диссертация Полины Викторовны Бояркиной – серьезное, оригинальное сочинение, которое, не сомневаюсь, будет востребовано специалистами. Автореферат и статьи, напечатанные по теме диссертации, полно и точно отражают ее содержание.

Диссертация Полины Викторовны Бояркиной «Онегинский тип героя: литературная эволюция» отвечает критериям, указанным в параграфе II (пункты 9, 10) действующей редакции «Положения о присуждении ученых

степеней» (от 01.10.218) Постановления Правительства РФ от 24.09.2013 № 842 «О порядке присуждения ученых степеней», а ее автор заслуживает присуждения ученой степени кандидата филологических наук по специальности 10.01.01 – русская литература.

Официальный оппонент
доктор филологических наук,
профессор кафедры
истории русской литературы
ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский
государственный университет»

А. А. Карпов

16 сентября 2020 г.

Адрес организации: 199034, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7/9.

Тел.: +79216446275 E-mail: a.karpov@spbu.ru

ПОДПИСЬ РУКИ

Карпова А.А.

УДОСТОВЕРЯЮ

**ЗАМЕСТИТЕЛЬ НАЧАЛЬНИКА
УПРАВЛЕНИЯ КАДРОВ ГУОРП**

Хомуцкая Д.П.

17.09.2020